

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Дело к зиме, валуны у воды в моховых шапках, скалы за рекой под хвойным покрывалом, сизые облака нависли над лесом ватной периной. Холодно, снежинки срываются, завьюжит скоро, заметет, а там и морозы навалятся. Но в Новом Эдеме даже в самый лютый холод весна, жаль, что не все понимают это. Не могут поверить в свое счастье. Или не хотят. Ничего, поймут, примут, благодарить будут, руки целовать, ноги мыть, в рот заглядывать. Новый Адам для того и прислан в этот мир, чтобы наставлять заблудших овец на путь истинный. И землю новой жизнью заселять. Землю, которую сгубили плохие люди.

Заблудшим душам не место в раю, им предопределено чистилище, откуда всего два пути — или к свету истины, или еще глубже во тьму, на вечные муки. Если грешница не примет высшую волю, Адам сам, своей рукой Господа отправит ее в ад. Он верит в свое высшее предназначение, никаких сомнений быть не может.

Адам остановился, глянул на лес, на горы, кашлянул в кулак, вознес голову к небу, перекре-

стился. Бог его хранит, плохие люди не смогут подкрасться к нему незаметно, и все же Адам глянул по сторонам, прежде чем спуститься во тьму. Никто не должен его здесь видеть.

Женщина — существо нечистое, неисчисли-
мое множество женских пороков может повер-
гнуть в уныние даже сильного духом мужчину. Но
Адама бесовские соблазны не пугают, он знает,
как очистить порочную душу, на это уже потрачено
столько времени, но ему терпения не занимать.

Девушка, имевшая счастье попасть к нему на
попечение, ни в чем не нуждалась. Подземелье
держало тепло, печь он топил вчера, температура
здесь близкая к райской. И хлеба он вчера подал,
и даже молоком поил. А еще гостью ждет вкус-
ный сыр и масло, если она в конце концов сбро-
сит оковы гордыни и по своей воле примет в себя
силу покаяния.

Девушка, нареченная им Евой, сидела в клетке
на матрасе, закутанная в одеяло из верблюжьей
шерсти. Клетка небольшая — два метра в длину,
столько же в ширину и вверх, сварка грубая, ар-
матурные прутья ржавые. Зато оковы не сковы-
вают ее движений. А ходить Еве некуда, перед
ней открыт только путь познания, пройти который
она должна мысленно. И остановиться на тонком
льду. Если сделает правильный выбор, ей наверх,
если нет, то в ледяную воду, в раскаленные глу-
бины вечного ада.

Ева — девушка хрупкая сама по себе, а еще
долгое воздержание от земных страстей, напи-
тав дух, ослабило тело. Адам без опасений зашел

к ней в клетку. Обычно послушница оставалась сидеть, кутаясь в одеяло, а сейчас она вдруг поднялась ему навстречу. Но Адам не испугался: Ева отвела взгляд и опустила голову, выражая свое перед ним смирение. Но при этом она не отпустила одеяла, которое продолжало скрывать пока еще грешную наготу.

— Ну! — потребовал Адам, чувствуя, как окрыляющая дрожь охватывает его душу, вспышками молний поднимаясь к сознанию и бурлящей тяжестью растекаясь вниз по телу.

Он умел ждать, четвертый месяц заканчивается, как Ева с ним, и все это время он ходит к ней, только чтобы учить и наставлять. Не приставал, рук не распускал, грязных слов не говорил... А разве можно назвать насилием таинство зачатия? Да, в день, когда Ева появилась в его жизни, Адам посеял в ней новую жизнь, она тогда крепко спала, сопротивляться не могла. Но ведь это же не насилие. Тем более что Адам больше не тревожил грешную душу, ждал, когда взойдет семя. Ждал, не трогал, держал себя в узде, хотя это давалось нелегко. Ждал и верил, что когда-нибудь Ева сама скинет перед ним покровы порока. Ждал и дождался.

Ева вздохнула, кивнула, разжала руки, девичьи ресницы дрогнули, ее покровы пали к его ногам.

Человек должен плодиться и размножаться, Адам жил с этим, поэтому предпочитал выносливых женщин с крепким телом, а Ева тощая, слабая, кожа до кости. Но ребра все-таки не выпирают, слегка так просматриваются. Длинная шея,

точечные ключицы, длинные руки, грудь вполне годная для кормления, сосочки такие сладкие, что хочется превратиться в младенца и припасть к ним. Нежная кожа, волнующая линия бедер, поросшая девичьим пухом расселина, тесноту которой Адам чувствовал всеми своими корнями. Тесноту, которую, аж дыхание останавливалось, хотелось раздвинуть, протоптать.

Но больше всего Адаму понравился девичий животик, он всего лишь слегка округлен, но в нем уже угадывалась новая жизнь. Все-таки вошло семя, одно это уже причина для восторга. Но не повод для остановки. Адама распирало от нетерпения. Самое время сейчас закрепить свой с ней союз, ребенок должен родиться в браке.

— И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь... — с трудом разжимая челюсти, проговорил он.

Крепкие, плотные женщины нравились ему, но и Ева хороша собой, в ней столько красоты, юного очарования. Нежный овал лица, невинные глазки, робкий ротик, уши большие, даже оттопыренные, но распушенные волосы, извилистыми ручьями растекаясь по обнаженным плечам, скрывали этот в какой-то степени недостаток. Ева так неотразима, нет сил смотреть на нее и ничего не делать. Ее чувственная непорочность просто сводила с ума.

— И наполняйте землю, и обладайте ею...

Договорить Адам не смог, челюсти судорожно сжались, язык налился свинцовой тяжестью. Да и зачем говорить, когда наполнять, обладать

и владычествовать над всяким животным он мог прямо сейчас? И не на словах, а на деле.

Изнемогая от нетерпения, он резко схватил Еву за плечи, с утробным рыком развернул к себе спиной — от страха девушка сжалась, втянув голову в плечи. Ева стояла к нему спиной, но он почему-то смог увидеть, как она закрыла глаза, сильно-сильно зажмутив их.

Зачатие новой жизни — таинство ритуальное, обряд требовал слов, Адам и хотел спросить Еву, согласна ли она взять его в мужья, но сейчас он мог только рычать и хрипеть. Он с силой надавил на хрупкие плечи, заставляя девушку опуститься на колени. Она покорно легла на живот, сама раздвинула ноги. И это вдруг взбесило Адама. Ведет себя как последняя шлюха. Разве *его* женщина может себя так вести?

Сильным толчком, не спрашивая разрешения, он вошел в супружеские с ней отношения. И вдруг понял, что будет мало хранить брачные узы в святости и нерушимости. Остро вдруг захотелось, чтобы их с Евой разлучила смерть...

2

Восемь лет спустя

Солнце из-за туч выглянуло робко, одним глазком покосилось на землю — скалы над рекой верхней своей частью так и остались темно-серыми, как спина горбуши, а нижние обрели окраску рыбьего брюшка. Но брюхо у рыбы мяг-

кое, нежное, а скалы есть скалы, их из пушки не возьмешь. Одни только сосны могли влезть своими корнями в каменную твердь, почва на скалах тонким слоем, а хвойный лес густой и пышный, зеленые сосны в белых шубах. Это слева, а справа — снег на обломках крыши разваленной избы. Перекошенные окна тоскливо смотрят в пустоту.

Проселок тянулся вдоль реки, по низкому берегу, дорога то асфальт, то грунт, то щебень, машину трясло. Снежный покров еще слабый, выбоины чувствуются, колдобины, колесо то провалится, то подскочит. Но дорога скользкая, на поворотах машина вела себя не очень уверенно. Столбы телеграфные вдоль дороги, провода навесные, а погода предгрозовая, налетит снежный ураган, обледенеет линия передач, а дублирующих мощностей здесь нет, вырубит свет в деревне, как тогда быть? Впрочем, и со светом там ничего хорошего, печи наверняка на дровах, удобств никаких, кроме бани. И ведь это не самое страшное. Мужчина за рулем вздохнул, вот уж угораздило его с этой командировкой.

— Чего грустишь, лейтенант?

Называя Кирилла по званию, майор Ганыкин получал удовольствие, близкое к аномальному. Кирилл уже немолодой, тридцать три года, а в чинах и званиях не преуспел. В двадцать шесть с горем пополам все-таки смог окончить университет, устроился юристом по кредитным делам в банк, бесплатно, на правах стажера, работал вроде бы неплохо, но испытательный срок

не прошел. Понял, что развели, обиделся, целый год не работал, потом устроился юристом в автосалон к знакомому отца, но не преуспел. Платили не очень, перспектив роста никаких, в конце концов Кириллу надоело, он подал заявление об уходе. Два года искал работу, в конце концов понял, что дело не в деньгах, захотелось испытать себя в чем-то важном, серьезном, как на грех появилась возможность устроиться в Следственный комитет. Должность он получил капитанскую, но на звании это никак не отразилось, скоро год будет, как ходит в лейтенантах.

— Атмосферу чувствую, — кивком показав на скалы за рекой, сказал Кирилл. — Безнадёгой веет.

Угнетала не сама глушь, а ее бескрайние просторы, на которых затерялась Варвара Карпова двадцати трех лет от роду. Девушка уже четвертый год в розыске, дело ее досталось Кириллу в наследство от предшественника по должности. Так и пылилось бы дело на полке, не случись убийства в деревне Кайсе. В заброшенном доме неподалеку от селения обнаружили тело Татьяны Степановны Карповой, районные сыщики убийцу найти не смогли, хотя и пытались. А еще выяснилось, что погибшая приходится матерью пропавшей Варвары. Мало того, Карпова вместе с мужем отправилась в эти края на розыск своей пропавшей дочери. Судьба Евгения Дмитриевича неизвестна, а Татьяна Степановна уже четвертый день в морге. Группу из республиканского управления возглавила подполковник Лежнева, а зам-

кнул ее лейтенант Батищев. Лежнева работает по убийству, Кирилл ей в помощь, но вместе с тем на нем еще и розыск Варвары Карповой. А как найти ее в этой бескрайней морозной глуши? Мать искала, а нашла пулю.

— Безнадега — это когда тебе за восемьдесят, а ты даже сказать не можешь, что у тебя... что ты по бабам ходок, — кашлянув, поправился Ганыкин.

И с бесшабашно-шкодливой улыбкой покосился на Лежневу. Ольга никогда не причисляла себя к поклонницам соленого солдатского юмора, Ганыкин это понимает, но и остановиться не может. Язык у него без костей, а кости без мозга.

— После восьмидесяти уже все равно, — поморщился Кирилл.

— А не надо так, не надо! У меня деду девяносто два, водку хлещет, аж зависть берет!.. Ты просто молодой еще...

Кирилл косо глянул на Ганыкина. Этот живчик прекрасно знал, сколько и кому лет, сам он старше Кирилла всего на один год, но попробуй скажи об этом. Язык у Ганыкина не особо острый, но яда в нем хватает, ужалит с удовольствием.

— Роман Петрович, скучно вам, я понимаю, — донеслось с заднего сиденья. — Может, в игру какую-нибудь сыграем.

— Только не в города! — расплылся в улыбке Ганыкин.

— Ну, тогда в молчанку! — усмехнулась Ольга.

Она сидела сзади, Кирилл не рискнул глянуть в салонное зеркало, но представил, как она с ва-

ляжным видом кривит губы. Старший следователь по особым делам, подполковник юстиции, руководитель группы, какой-никакой, а начальник. А Кирилл занимал тот уровень, с которого Ольга стартовала одиннадцать лет назад. Они в один год поступили в академию, вместе учились, через пять лет она успешно выпустилась, а он застрял в лабиринтах науки, ему понадобилось еще четыре года, чтобы выбраться из них. Из них год отняла армия. После выпуска — шесть бесцельно прожитых лет. И наконец встреча со своим прошлым, в котором он и Ольга жили одной семьей — в гражданском браке. Целый год под одной крышей, на большее Кирилла просто не хватило. Он ведь ходок по жизни, постоянные отношения и сейчас не для него. Хотя давно уже пора причалить к берегу. Понимание есть, а желания нет.

— Помню, в пятом классе в молчанку играл! — ухмыльнулся Рома. — Мне тогда забыли сказать, что игра закончилась, я потом целый год молчал...

— Я тебе скажу, что игра закончилась. Завтра.

— Вы без меня до завтра пропадете!

— Раз-два-три, начали!

Начальственный тон подействовал, Ганыкин, правда, замолчал ненадолго, но заговорил он, в общем-то, по существу, их путешествие заканчивалось, вернее — переходило из одной фазы в другую.

Река ушла влево, дорога вправо, впереди показалось озеро с подмерзшим и подбеленным

берегом. Сначала в поле зрения появились потемневшие срубы банек, две целые, одна без крыши, затем вверх на взгорок вереницей потянулись уставшие от долгой жизни дома с низкими заборами из подгнивших жердей. Бревенчатый барак на две семьи с заснеженным крыльцом, затем огромный, покосившийся дом с маленькими окнами без ставен, Кирилл подумал, что это школа, но вместо вывески увидел заколоченную дверь. Две избы одна за другой, трех- и пятиконная по фасаду, первая обшита вагонкой, покрашена в желтый цвет, вторая как будто бесхозная, но из трубы валил дым. Приоткрыв окно, Кирилл уловил запах березовых дров. И улыбнулся. Это чуть ли не единственное, что нравилось ему в деревнях. После хорошей баньки.

Школу они так и не нашли, зато в деревне имелись клуб, магазин и часовенка по соседству с развалинами каменного храма. В здании клуба размещалось правление сельского поселения, там же находился участковый опорный пункт с отдельным входом и озябшим триколором над крыльцом. Здесь же, у самого крыльца, мерзла четырехдверная «Нива» со светосигнальной панелью на крыше.

Кирилл вышел из машины, поежился — ветер не сильный, но такой холодный, под куртку влез ледяными руками, за ворот снега набросал. Ольга выходила медленно, неторопливо, как пингвин из-за утеса. Тяжеловатая она, походка временами утиная, ее полнили пуховая куртка и мешковатые брюки в стиле милитари, но тело

не жирное. Очень даже ладное тело. И на клушу Ольга не похожа, укладка у нее модная, стильный макияж, гелевые ногти. Нос грубый, с деформированной спинкой, челюсти слегка выдвинуты вперед, причем обе, подбородок широкий — словом, нижняя часть лица грубая. Зато верхняя — на удивление нежная. Глаза глубоко посажены, но они большие, красивые. И взгляд порою завораживающий. На эти глаза Кирилл в свое время и купился.

Он оценивающе смотрел на Ольгу: куртка и брюки — неудачный для нее вариант, в форме она бы смотрелась куда лучше. Впрочем, ему все равно, как она выглядела, а деревенским тем более.

Мимо пробежал мальчишка с конопушками на носу; он засмотрелся на Ганыкина и чуть не врезался в столб с доской объявлений на нем. Рома вышел из машины без куртки, без шапки, он потягивался, руки вверх, под мышкой болтался пистолет в кобуре на плечевых ремнях. Голова круглая, остатки растительности на ней переродились в пух, может, оттого она выглядела массивной. Роста Ганыкин среднего, телосложение плотное, на ногах стоял крепко, может, оттого он и казался крупным. Как и «ПМ» в его кобуре. Возможно, мальчишка подумал, что у него там пистолет-пулемет или даже бластер из фантастического фильма.

— Тишина-то какая! — потягиваясь, зевнул Ганыкин.

— Была, — ни к кому конкретно не обращаясь, усмехнулся Кирилл.